

— Генерал — словно священный клинок в руках государя. Фу Шэнь, безусловно, остер и неудержим, но если у меча слишком много собственных мыслей, это не может не вызывать опасений. Среди подданных одни преданы императору, другие — Поднебесной. Фу Шэнь, как и его дядя Фу Тинсинь, — подданный, преданный Поднебесной.

— Клинок Фу Шэня рано или поздно развернётся остриём против своего владельца. Как же я могу спокойно оставить его своим потомкам? Не забывай, Железная кавалерия Бэйянь хоть и стоит на границе, но до столицы всего тысяча ли.

Янь Сяохань в который раз мысленно выругал Фу Шэня. Этот болван, должно быть, натворил чего-то, что обернулось сплошными неприятностями и прогневило императора. А его армия Бэйянь плотна, как железная бочка, Страже Летящего Дракона невероятно сложно выудить хоть какую-то информацию. Знай он заранее, что произошло, и подготовься, сегодня его не застали бы врасплох ни император, ни наследный принц!

— Мэнгуй, ты долго служил при мне и стал моей надёжной опорой, — произнёс император Юаньтай. — Ты не таков, как Фу Шэнь. Сделав этот шаг, ты откроешь себе безграничное будущее.

— Если же ты упорствуешь в отказе, я дам тебе иной выбор.

Янь Сяохань поднял взгляд на императора, восседающего на высоком тронном помосте.

Золотые уста изрекали леденящие душу слова, пропитанные смертоносным намерением, одно за другим скатываясь по золочёным ступеням.

— Либо прими указ и сочтайся браком с Фу Шэнем, либо... отправляйся и устрани его собственноручно.

Времена меняются. Если прежде император Юаньтай всецело полагался на семейство Фу, то ныне он опасался Фу Шэня до такой степени, что не мог обрести покой, пока тот не будет устранён.

Янь Сяохань подобрал указ с отбитым уголком, аккуратно свернул его и, преклонив колени, склонился в глубоком, почтительном поклоне:

— Ваш слуга... приемлет высочайшую милость.

Скудный дневной свет пробивался в зал, ложась на высоко висящую табличку с девизом «Справедливость и Гармония».

Осенний ливень обрушился яростно, у дворцовых ворот стояли лужи, повсюду валялись пожелтевшие листья. В этом всеобщем унынии и полумраке промокшая алая одежда

выделялась особенно ярко.

Янь Сяохань, не отводя взгляда, подошёл к прямой, как стрела, спине и, глядя сверху вниз, холодно изрёк:

— Его Величество не примет вас. Не тратьте силы понапрасну, возвращайтесь.

Фу Шэнь не поднял головы, лишь приподнял веки, устремив взгляд на ноги Янь Сяоханя, и его осанка оказалась даже надменнее, чем у стоящего:

— Государь прислал вас?

— Решение принято, дальнейшие слова бесполезны. Не спрашивайте.

— Вы согласились.

Казалось, эти слова внезапно вывели Янь Сяоханя из себя. Гнев, копившийся во дворце, прорвался наружу и обрушился на Фу Шэня:

— Да! А что ещё оставалось? Всё, что у меня есть, — власть, положение, — всё даровано государем! Какое право я имею отказываться?!

Он вцепился в воротник Фу Шэня:

— А у вас ещё хватает наглости спрашивать меня? Вы же так благородны, так преданы стране и государю! Гром и роса — всё милость повелителя. Почему же теперь вы приползли ко дворцу на коленях, умоляя отменить указ? Разве не должны были с радостью принять его и возблагодарить за милость? Для кого вы здесь стоите?

Дождь хлестал всё сильнее. Янь Сяохань наклонился к Фу Шэню так близко, что почти коснулся его промокшего, ледяного лица.

Хриплый шёпот, заглушённый рёвом ливня, был столь тих, что не должен был достичь ничьих ушей, но Фу Шэнь расслышал его отчётливо:

— Вы — великий командующий Бэйянь! Зачем же терпите такое унижение? Почему... почему вы не восстаёте?!

Фу Шэнь смахнул с ресниц капли воды и вдруг усмехнулся.

Всё его негодование, бессилие, разочарование, сострадание, холодное прозрение и

изнуряющая боль — всё растворилось в этой усмешке.

Янь Сяохань, словно обожжённый ею, резко разжал пальцы.

Фу Шэнь закрыл глаза. Его лицо, промокшее под дождём, было белым, почти прозрачным. Водяные струйки скатывались с прядей волос и уголков глаз, оставляя извилистые следы. Чрезмерно худой подбородок и шея выглядели пугающе хрупкими, готовыми рассыпаться в прах.

— Вообще-то я знаю, что даже если здесь переломаю ноги, толку не будет. Просто... душа не принимает. Кажется, я снова в долгу перед вами? Приношу глубочайшие извинения.

— Но господин Янь, благородный муж, живя в мире, знает, что ему подобает, а что — нет. Железная кавалерия Бэйянь десятилетиями защищала дом и страну, стяжав славу и почёт. Как же я могу из-за личных амбиций превратить её имя в посмешище для потомков?

— Фу, возможно, и не сумеет стать благородным мужем, но преступником — никогда.

Ветер завывал, дождь хлестал, тяжёлые тучи нависли над землёй, погрузив мир во мрак.

Фу Шэнь произнёс:

— Сегодняшнее унижение я верну в будущем.

Янь Сяохань не нашёл, что ответить. Раньше он полагал, что понимает Фу Шэня, и потому презирал его чрезмерную, наивную принципиальность. Лишь сегодня он осознал, что Фу Шэнь гораздо сложнее, и его непоколебимая стойкость не может не внушать уважения.

Он вздохнул, и гнев окончательно угас.

Янь Сяохань протянул руку, намереваясь помочь Фу Шэню подняться. Стоять под ливнем было бессмысленно. Но едва его пальцы коснулись одежды, тот неожиданно и резко наклонился вперёд. К счастью, Янь Сяохань среагировал мгновенно, подхватив его, и Фу Шэнь рухнул в его объятия.

— Фу Шэнь!

— Фу Шэнь!

В ушах звучал неясный оклик. Сознание не покинуло его, но тело перестало слушаться. Шум дождя преследовал его, а кто-то склонился, чтобы поднять его на руки. Ощущение было до

боли знакомым.

Словно несколько дней назад, когда он упал, и его обхватили тёплые, крепкие руки. Или будто в далёком прошлом, когда кто-то нежно похлопывал его по спине.

Кто же это был?

Его поместили в узкое, сухое вместилище, вырвав из тех тёплых и надёжных объятий. Не успев как следует насладиться ими, он внезапно рассердился, резко вцепился в воротник того человека и с силой потянул на себя.

Грохот.

Не успевший выпрямиться господин Янь рухнул в карету, оказавшись в крайне непристойной позе поверх маркиза Цзиннин. А Фу Шэнь, наконец-то, оправдал ожидания и очнулся от удара.

Их взгляды встретились. Янь Сяохань, не ожидавший, что этот больной, даже в беспомощности, способен «воскресать», уже готов был вспылить, но вдруг встретил взгляд Фу Шэня.

На его ресницах всё ещё дрожали капли, взор был мутным и рассеянным, и казалось, вот-вот хлынут слёзы. Хотя Янь Сяохань понимал, что это не так, он невольно сбавил пыл, сам поднялся и уселся, тихо спросив:

— Поедем сначала ко мне. Пусть Шэнь Ицэ осмотрит ваши раны. Хорошо?

Он беспокоился о состоянии Фу Шэня. Заставить калеку простоять на коленях на каменных плитах целый час — дело нешуточное. Фу Шэнь, то ли поняв, то ли нет, невнятно буркнул:

— М-м.

Он устало прикрыл глаза, казалось, у него не осталось сил даже на речь, и безвольно откинулся на стенку кареты. Дорога в столице была ровной, но Фу Шэня всё равно качало из стороны в сторону. Янь Сяохань какое-то время внимательно наблюдал за ним, а затем осторожно протянул руку. Как он и предполагал, едва пальцы приблизились, притворявшийся спящим схватил его за запястье с молниеносной скоростью:

— Что вы делаете?

Янь Сяохань спросил:

— Вам где-нибудь плохо?

На лице Фу Шэня мелькнуло замешательство:

— Везде плохо. А что?

Его пальцы были ледяными, а ладони источали неестественный жар. Янь Сяохань вздохнул, ловко вывернул запястье, высвобождаясь из хватки, и приложил руку ко лбу Фу Шэня:

— У вас жар.

Горел, как в огне.

Сам Фу Шэнь, казалось, ничего не чувствовал и тоже потянулся ко лбу:

— Да нет, вроде...

Янь Сяохань сказал:

— Вы трогаете мою руку.

Фу Шэнь, опираясь на затылок, перевернулся на бок, повернувшись к нему, и безучастно промолвил:

— Пустяки... Вернусь, поплюю — и пройдёт.

Однако по пути от дворца к резиденции Янь недолеченные старые раны и простуда от дождя обрушились на него разом. Болезнь наступала стремительно, усугублённая душевным и физическим истощением. Фу Шэнь горел в жару, сознание его мутилось, а к моменту выхода из кареты он окончательно отключился, и разбудить его не удавалось. Янь Сяоханю ничего не оставалось, как на руках внести его в дом.

Слуги потупили взоры, не смея даже дышать громко. Янь Сяохань содержал дом в строгости, и прислуга здесь была куда расторопнее дряхлых слуг из маркизской усадьбы. Буквально за мгновение были приготовлены ванна с горячей водой, а также чистая одежда и одеяла, после чего их пригласили омыться.

Янь Сяохань не доверил это никому и сам принялся раздевать Фу Шэня. Промокшая нижняя рубаха прилипла к телу, обрисовывая стройный, мускулистый торс. Однако сейчас его мысли были далеки от чего-либо пошлого. Всё его внимание приковали ноги Фу Шэня.